

Елена Гусева

В земном полнозвучии

Автобус

Как врзалось в память: моя остановка—и вот он,
Автобусный улей, рязанский центральный вокзал.
Стареющий хит «It's my life» в сотый раз перемотан
И рвётся в мороз из палатки торговой. И в зал,

От грузных баулов скривившись, бредут пассажиры
И маются, бедные, на деревянной скамье...
Но вот объявление рейса, посадка, и цепкие шины
Печатают ромбы на тоненькой снежной кайме.

И вот уж сливается с ночью последний автобус,
Как чахлый декабрьский день устремляется вдаль.
Так было до нас, и так будет: вращается глобус,
И оживают в душе древнерусская лень и печаль.

Дрожим от мороза—дождёмся и таянья снега,
И грязных обочин, и брызг на стекле лобовом.
Ведь альфа—начало, конечная точка—омега,
Учи алфавит и не думай, что будет потом.

Ксеноновый конус—уверенный, ровный—фатально
Бежит впереди по асфальтовой ленте, и свет—
Он словно живой: дальнорорко включается дальний,
Когда путь свободен и встречного транспорта нет.

Водитель-флегматик в дорогу припас пачку «Явы».
Одна сигарета, другая—сжимается срок
И этого рейса. Нет в мире сильнее отравы,
Чем знать: есть конец у любой, у любой из дорог.

С блестящей подножки безвольно шагну в непогоду
И, отвернувшись от ветра, скупой подниму воротник,
Забуду шальную, наивную птицу-свободу
В салоне автобуса: слишком уж мал золотник.

Лишь чуткому сердцу сквозь мерно плывущие звуки
Откроется скрытый от гордого глаза подвох:
В потёртом салоне, свидетеле горькой разлуки,
Иные в ловушке, а кто-то свободен, как бог.

Сквозь опущенные ресницы
Пробивается тёплый свет.
Мне, несведущей ученице,
То ли семь, то ли восемь лет.

Тень причудливая на обоях
Охраняет постель мою.
Мама в кухне посуду моет,
Я же делаю вид, что сплю.

Завтра в школу: в портфеле—книги,
Пластин и тугой пенал.
В сумке мамы—духи из Риги,
План урока, конспект, журнал.

Время, мудрый увещеватель,
Влажным светом бежит с ресниц.
В кухне щёлкает выключатель—
И ни времени, ни границ.

Чем измерить людские годы?
Чем их бешеный ритм унять?
Мне, прошедшей огни и воды
Беззаконнице,—сорок пять.

Замыкается круг до срока.
К счастью, к горю—не разберёшь.
В моей сумке—конспект урока,
На душе—канцелярский нож.

Тёплый свет всё такой же славный,
Пролетающий тьму насквозь.
Лишь бы время с ресниц усталых
Камнем в бездну не сорвалось.

Тень бесхитростная на обоях
Ненадёжный покой хранит.
Я на кухне посуду мою,
Мама—спит...

● ● ●
Город из плоти и крови, отравленной праотцами.
Здесь улицы матерятся детскими голосами.
Здесь молчаливый лес до шумного парка уменьшен.
Здесь ритуальный агент приходит быстрее, чем фельдшер.

Он предлагает свои услуги, вежливо улыбаясь,
Коллегам по цеху—наперехват, на зависть.
Он не согласен ждать, пока в потолочной глади
Душа удивлённая с трепетом первым сладит.

Душа озирается в поисках новых смыслов.
Ей предстоит дорога с проводником пречистым.
Ей посидеть бы незримо среди родных в отраду,
Но ритуальный агент вызвал свою бригаду.

Их космос хрустит аккуратной гранитной крошкой.
У их чёрных дыр запах пластика, звук застёжки.
Ещё не остывшее тело трогательно прогнётся,
Покорно исчезнет в чёрной дыре. Вернётся

Спустя пару дней—торжественное, ледяное,
Со скорбной складкой у рта. И только у аналоя,
При пении хора, свечах и кажденье сладком,
Лицо просветлеет и распрямится складка.

Под сводами старой, Богом хранимой церкви,
В молитвенно-благостной ладанной круговерти
Смиряются все: кто больше грешил, кто меньше,
И даже тот, кто приходит быстрее, чем фельдшер.

А в город вольются другие, новые люди.
И будет любовь, и ненависть тоже будет.
И до скончания века—как чёт и нечет—
Чёрные дыры и восковые свечи.

● ● ●
Тончайшие сферы не терпят фальшивых нот.
Неровный вздох, неоправданный нервный жест—
И мир отзовется стенанием низких частот
За лобовым стеклом, за пределом чужих торжеств.

Молитвы о тишине прорастают тугим узлом
В тепло и дрожащий мрак потайных пещер.
А взмыть к небесам могли бы, пробив заслон,
И мир отозвался бы: он многолик и щедр.

В земном полнозвучии каюсь и вновь грешу.
И каждый шорох—набатом сквозь сон и явь:
Легко ли будет отправиться в белый шум,
Той самой ноты—той самой—так и не взяв?